

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СССР

Б. Ф. Федотов

История иностранной военной интервенции в Советской России, интервенции, которая представляла собой «единое целое» с гражданской войной¹, нашла отражение в обширной исследовательской литературе² и в разнообразных документальных изданиях³. Тем не менее известная часть источников использована пока все еще недостаточно полно либо совсем не введена в научный оборот. Сказанное относится, в частности, к источникам, характеризующим контрреволюционную роль интервентов на территории Советской России. Черчилль, один из вдохновителей и организаторов похода империалистических государств против Советской республики, оставивший много красноречивых признаний на сей счет, на вопрос, находились ли союзники (Антанта) в войне с Советской Россией, в своих воспоминаниях отвечал: «Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей... Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы этого падения. Но объявлять войну — это стыд! Интервенция — позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом»⁴. В этих признаниях целиком отражено лицемерие политики империалистических государств,

¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 14.

² «История гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1939; т. 2. М. 1942; т. 3. М. 1957; т. 4. М. 1959; т. 5. М. 1960; М. Левидов. К истории союзной интервенции в России. Л. 1925; А. Сухов. Иностранная интервенция на Одессине. Одесса. 1927; А. Гукровский. Французская интервенция на юге России. М. 1928; «К десятилетию интервенции». Сборник статей. М. 1929; Н. Корнатовский. Северная контрреволюция. М. 1930; И. Минц. Английская интервенция и Северная контрреволюция. М. 1931; С. Рабинович. История гражданской войны. М. 1935; А. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М. 1951; А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920). М. 1952; М. В. Рыбаков. Из истории гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. М. 1958; С. Ф. Найда. О некоторых вопросах истории гражданской войны. М. 1958; В. А. Боярский. Вторжение империалистов США в Россию и его провал. М. 1961; Г. Г. Алахвердов, Н. Ф. Кузьмин, М. В. Рыбаков, Л. М. Спирин, Н. М. Шатагин. Краткая история гражданской войны в СССР. М. 1962, и др.

³ «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.». М. 1941; «Кто должник?». М. 1926, стр. 333—582; «Интервенция на Севере в документах». М. 1933; «Северный фронт. 1918—1920». Документы. М. 1961; «Южный фронт. Март 1918 — март 1919 г.». Ростов-на-Дону. 1962; «Об участии английских империалистов в организации интервенции против Советской России». «Исторический архив», 1957, № 2; «Из истории гражданской войны в СССР. 1918—1922». Сборник документов и материалов. М. 1960—1961 (в трех томах), и др.

⁴ У. Черчилль. Мировой кризис. М.-Л. 1932, стр. 157.

для которых обычным делом было и остается развязывание необъявленной войны, попытки ввода своих войск в другие страны, вмешательство в их внутренние дела, организация там государственных переворотов, попытки формирования угодных империалистам правительств. В приведенном высказывании У. Черчилль как бы мимоходом говорил о разработке империалистами планов свержения Советского правительства, планов, в действительности весьма обширных, составлявших цели и смысл интервенции. Нам хочется обратить в этой связи внимание на отдельные малоизвестные источники, которые позволяют оценить роль этих планов и рассмотреть попытки интервентов создать на территории России как эсеро-меньшевистские, так и открыто белогвардейские государственные образования. Такое рассмотрение представляет интерес еще и потому, что все эти образования буржуазная историография, а с нею и разного рода эмигрантская литература до сих пор пытаются изобразить порой как нечто «представительное» и «самостоятельное».

Среди первой группы такого рода источников можно назвать журналы заседаний «Верховного управления» Северной области, созданного при участии интервентов 2 августа 1918 г. в Архангельске и преобразованного ими затем в местное Временное правительство. Отдельные материалы этих журналов были опубликованы в известной книге «Интервенция на Севере в документах» (М. 1933) и в некоторых более ранних изданиях, ставших ныне библиографической редкостью. Но значительная их часть вообще до сих пор не печаталась. Между тем они не утратили научного и политического значения по настоящее время. С их помощью можно, например, проследить, как это Временное, вначале преимущественно эсеровское по своему составу, «правительство» по воле интервентов превратилось в правокadetско-эсеровское, а затем передало всю власть военному диктатору Миллеру. Крах эсеро-меньшевистской политики соглашательства и неизбежное в связи с этим крушение мелкобуржуазных представлений о каком-то «третьем пути» в революции обнаруживаются здесь, пожалуй, наиболее полно. Протокольные записи обсуждавшихся на заседаниях «правительства» вопросов содержат сведения, которые позволяют убедиться в том, что ни одного сколько-нибудь существенного мероприятия в области военной, внешней или внутренней политики оно не проводило без согласования с интервентами — послом США Фрэнсисом, английским поверенным в делах Линдлеем и французским послом Нулансом. Во всех трех составах это «правительство» рассматривалось союзниками не более чем власть чисто хозяйственная⁵. Всеми же политическими делами ведали американцы, англичане и французы, касалось ли это назначения военного губернатора (что проделал английский генерал Пуль без согласования с «правительством» Н. Чайковского)⁶, издания обязательных постановлений, предписания о введении военно-полевых и военно-морских судов⁷, роспуска не устраивавшей союзников особой следственной комиссии и т. д.⁸ Посол США Фрэнсис цинично заявлял Чайковскому, что обязательные постановления союзников в равной степени охраняют интересы как стран-интервентов, так и Северной области России и что они могли бы не издаваться, если бы белогвардейское «Верховное управление» обладало надлежащей мощью для проведения своих мероприятий в жизнь⁹. О неприкрытом вмешательстве союзников в дела этого «правительства» свидетельствуют и упомянутые нами журналы заседаний. В одном

⁵ См. Н. Корнатовский. Указ. соч., стр. 76.

⁶ «Интервенция на Севере в документах», стр. 18; ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 11; ф. 17, оп. 1, д. 1, л. 6.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 1, лл. 30, 39; д. 2, л. 1; «Интервенция на Севере в документах», стр. 28, 30.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 129, л. 178.

⁹ Там же, д. 1, л. 69.

из них говорится, что английская военная администрация в Архангельске подвергала цензуре «Правительственный вестник»¹⁰. В другом — содержится официальное признание того, что на севере России «борьба с большевиками была начата по инициативе союзников»¹¹. Правда, такое признание в целом не является откровением. Так, в свое время уже была обнародована телеграмма главнокомандующего белогвардейскими войсками на Севере Е. Миллера на имя военного представителя белых в Париже Д. Щербачева (от 3 апреля 1919 г.)¹², свидетельствующая о том, что руководство белогвардейскими войсками на Севере, их продовольственное и боевое снабжение находились всецело в руках английского командования. На то же указывает и хранящаяся в архиве телеграмма Миллера бывшему послу В. Набокову в Лондон от 4 марта 1919 года¹³.

К следующей группе малоизвестных источников относятся документы, касающиеся создания так называемого «Северо-Западного правительства». Это переписка между белогвардейскими лидерами и их представителями за границей. Само по себе названное «правительство», претендовавшее на роль представителя Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, реальной роли в политических делах не играло и играть не могло. Это была обычная марионеточная клика, образованная в августе 1919 г. по приказу заместителя союзного военного представителя в Прибалтике английского бригадного генерала Ф. Дж. Марша прежде всего в целях привлечения буржуазной Эстонии к войне против Советской России. Любопытен процесс создания этого «правительства». Марш пригласил к себе в Ревель 12 человек, вручил им написанный на английском языке список кандидатов в министры и предложил, «не выходя из комнаты, к 7 часам вечера — через 40 минут — образовать правительство Северо-Западной области России»¹⁴. При этом было заявлено, что в противном случае союзники немедленно прекратят оказывать помощь Северо-Западной армии генерала Юденича. Собравшиеся посовещались и, разумеется, выполнили требование, а через несколько дней определился состав «правительства». В него вошли: правые (адмирал В. Пилкин, генерал Н. Юденич), беспартийные прогрессисты (И. Евсеев, С. Лианозов), радикальные демократы (М. Маргулиес, М. Филиппео), кадеты (К. Александров, Е. Кедрин, Ф. Эрн), эсеры (П. Богданов, А. Пешков), меньшевики (В. Горн), беспартийные социалисты (Ф. Эйшинский), просто «беспартийные» (Н. Иванов)¹⁵. В телеграмме от 20 августа 1919 г. на имя Колчака Юденич сообщал: «Переверот¹⁶ англичане совершили очень скоро и очень грубо... Я узнал [об этом] только ночью 11 августа, после того как Марш в ультимативной форме сделал предложение собранным лицам... Я 7 августа целый день провел с Гофом и Маршем, и ни один из них не обмолвился о предстоящей перемене. На мои вопросы 12 августа Марш ответил, что тогда он сам еще ничего не знал»¹⁷. Марш заранее, конечно, и не мог знать о предстоящей акции, так как действовал не по собственному почину, а по указке английского правительства, представителем которого при Марше был Г. Пири-Гордон.

¹⁰ Там же, лл. 114, 117.

¹¹ Там же, д. 34, л. 100.

¹² См. «Из истории гражданской войны в СССР». Т. 2. М. 1961, стр. 709.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 17, оп. 1, д. 16, л. 4.

¹⁴ См. «Из истории гражданской войны в СССР». Т. 2, стр. 409.

¹⁵ См. Г. Кирдецов. У ворот Петрограда. Берлин. 1921, стр. 244; В. Горн. Гражданская война на северо-западе России. 1923, стр. 130; «Образование Северо-Западного правительства». Гельсингфорс. 1920, стр. 44.

¹⁶ Замена существовавшего с 24 мая 1919 г. при Юдениче Политического совещания «правительством», о котором идет речь.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 200, оп. 4, д. 6, л. 34.

Третья группа малоизвестных источников — документы так называемого Ясского совещания, состоявшегося в конце 1918 года. Из 24 журналов заседаний этого совещания полностью был опубликован лишь один — о заседании делегации в Одессе 30 ноября — 1 декабря. Некоторые документы воспроизводились в пересказе¹⁸. Подробно рассматривать историю созыва этого совещания, претендовавшего на своего рода «всероссийское представительство», нет необходимости. Напомним лишь о двух обстоятельствах. В совещании принимали участие консервативно-буржуазные и эсеро-меньшевистские элементы, представлявшие такие контрреволюционные организации, как «Совет государственного объединения России» (возник на Украине летом 1918 г., объединял оставшихся не у дел членов Государственной думы и Государственного совета, сената и синода, торгово-промышленных, городских и земских буржуазных деятелей), «Национальный центр» (преимущественно кадетский по составу) и «Союз возрождения» (объединение эсеров, энесов, меньшевиков, группы «Единство», оборонцев, кадетов и некоторых «беспартийных»). В работе совещания приняли участие 16 делегатов с решающим голосом и 5 с совещательным. Среди них: барон В. Меллер-Закомельский — председатель делегации, председатель Совета государственного объединения России, член Государственного совета, председатель Петроградской губернской земской управы; Вл. Гурко — товарищ министра земледелия, член Государственного совета; А. Кривошеин — товарищ председателя Совета государственного объединения России, министр земледелия, член Государственного совета, впоследствии председатель «Совета» у барона Врангеля; П. Милуков — товарищ председателя Совета государственного объединения России, товарищ председателя Национального центра, министр иностранных дел Временного правительства; М. Маргулиес — председатель центрального Военно-промышленного комитета, впоследствии член Северо-Западного правительства; М. Федоров — председатель Национального центра, член «Совещания» при Деникине, управляющий министерством торговли и промышленности в правительстве С. Витте; С. Третьяков — председатель Московского биржевого комитета, товарищ председателя центрального Военно-промышленного комитета, председатель Высшего экономического совета при Временном правительстве, впоследствии министр торговли у адмирала Колчака; А. Пильц — товарищ министра внутренних дел, иркутский генерал-губернатор, могилевский губернатор, гражданский губернатор в Одессе; И. Бунаков-Фондаминский — член ЦК партии эсеров, генеральный комиссар Временного правительства на Черном море, член Союза возрождения; А. Титов — энесовец, член Союза возрождения, заместитель министра продовольствия Временного правительства, и прочие реакционеры или соглашатели¹⁹.

В качестве другого обстоятельства, имеющего значение для оценки этой группы источников, следует отметить, что Ясское совещание проходило вслед за подписанием 11 ноября 1918 г. перемирия с Германией, то есть после окончания первой мировой войны. Главная ставка командования стран Антанты уже на следующий день после подписания перемирия приняла в Париже решение перенести интервенцию в России на юг, начав операции с Черного моря и с территории Румынии. Таким образом, против Советской республики был «объявлен большой поход»²⁰, для по-

¹⁸ См. А. Рябинин. Яссы и союзная интервенция на Украине. «Черная книга». Сборник статей и материалов. Харьков. 1925, стр. 31—50; «К истории Ясского совещания». «Красный архив», 1926, № 5, стр. 105—118; М. С. Маргулиес. Год интервенции. Книга первая. Берлин. 1923, стр. 11—46; Н. И. Астров. Ясское совещание. «Голос минувшего на чужбине», 1924, № 4, и др.

¹⁹ См. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 105—106; М. С. Маргулиес. Указ. соч., стр. 11—46; Н. И. Астров. Ясское совещание, стр. 42—43.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 370.

литической маскировки которого старые рассуждения об организации Восточного фронта, необходимого якобы для борьбы против Германии, не годились. Нужно было найти какое-то иное объяснение, придававшее видимость «законности» новому этапу интервенции и способствовавшее обману народных масс стран мира, решительно требовавших: «Руки прочь от Советской России!» Найти такое универсальное средство империалисты предполагали на Ясском совещании. И они его, как им казалось, нашли, заручившись обращением «русской делегации» к союзникам «за помощью»²¹.

Нельзя обойти молчанием и те условия Ясского совещания, которые касаются наступления интервентов со стороны Румынии. Страны Антанты считали, что на этом участке военных действий успех их дела в политическом отношении может быть вполне обеспечен. Боярская Румыния, захватившая в начале 1918 г. часть Советской России — Бессарабию, полностью обнажила свои агрессивные планы. После решительного отпора со стороны советских войск румынское правительство вынуждено было стать на путь мирных переговоров и подписать в Яссах 5 марта 1918 г. соглашение, подтвержденное затем 9 марта в Одессе, по которому оно обязалось в течение двух месяцев очистить оккупированную территорию²². Однако этого оно не сделало. Больше того, Бессарабия была незаконно включена в состав королевской Румынии. По указанию румынского правительства генеральный комиссар в Бессарабии генерал Вэйтаяну и румынские коменданты, несмотря на протесты местной общественности, насильно румынизировали Бессарабию: прежние учреждения упразднялись, судебные и административные дела рассматривались только румынскими властями, румынский язык вводился в качестве обязательного для всех других народностей (нарушители подвергались штрафу или тюремному заключению). Представители Антанты полностью поддерживали этот «новый порядок», введенный румынскими властями. Таким образом, если в начале первой мировой войны, когда Румыния оставалась еще нейтральной страной, румынское правительство во главе с И. Братиану всего лишь надеялось на «понимание» Францией, Англией и Италией румынских планов захвата Буковины и Бессарабии, то теперь это «понимание» в известной мере становилось реальностью. В свою очередь, это еще больше приковывало боярскую Румынию к интервенционистской политике Антанты и выдвигало эту страну в передние ряды антисоветской военной интервенции. Очевидно, совсем не случайно главная ставка командования союзных войск в Париже планировала в те дни расширение интервенции против Советской России путем использования румынской территории в качестве плацдарма и мобилизации румынских сил. Румынским войскам предстояло быть составной частью интервенционистских сил на юге России²³. Боярская Румыния не только открыто нарушила советско-румынское соглашение, отказавшись очистить Бессарабию, но и сорвала те условия соглашения, согласно которым она обязалась «не предпринимать никаких военных, неприятельских или других действий против Всероссийской Федерации Советских Республик рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринимаемые другими государствами»²⁴. Вот в общих чертах те исторические условия, в которых проходило Ясское совещание.

Журналы Ясского совещания вводят нас в политическую атмосферу конца 1918 г., когда внешняя и внутренняя контрреволюция нашла точки соприкосновения и обнаружила единство целей. Протоколь-

²¹ См. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 106.

²² См. «Документы внешней политики СССР». Т. 1. М. 1967 стр. 211.

²³ См. «Из истории гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1960, стр. 58, 61, 62.

²⁴ «Документы внешней политики СССР». Т. 1, стр. 211.

ные записи позволяют не только наблюдать за условиями обращения российской контрреволюции к англо-франко-американским империалистам с просьбами о расширении интервенции, но и проследить попытки реакции найти основы построения такой общероссийской власти, которая была бы в силах противопоставить себя власти Советов. Об этом свидетельствуют дискуссии на совещании, проходившие с оглядкой на Антанту. В выступлениях, например, ставился вопрос о том, какую власть предпочесть: независимую личную диктатуру или зависимую; трехчленную директорию или пятичленную; за кем признать приоритет: за Уфимской директорией или за Южным правительственным совещанием при Деникине²⁵; кому быть верховным главнокомандующим: Деникину или бывшему великому князю Николаю Николаевичу. Как видно, уже сама по себе постановка этих вопросов говорит не более и не менее, как о крахе консервативных и соглашательских иллюзий по поводу российской буржуазной государственности, свидетельствует о бессилии этих лиц перед могучей поступью социалистической революции.

Совещание в Яссах длилось с 16 по 23 ноября 1918 г., а затем было продолжено в Одессе (по 6 января 1919 г.). Два заседания в Яссах проходили с участием глав иностранных дипломатических представительств в Румынии: английского посланника сэра Барклея, французского посланника графа Сент-Олера, посланника США Воички и итальянского поверенного в делах Ауритти. Два заседания состоялись с участием иностранных военных представителей: маркиза Белуа (Франция) и генерала Балларда (Англия). Английский посланник Барклей, приветствовавший 17 ноября заседание от имени своего правительства, заявил, что «представители держав пригласили» русскую делегацию посетить Яссы и что «державы Соглашения» сделают все, «чтобы помочь России в борьбе с большевиками... Они желают узнать от представителей России, что, по их мнению, нужно сделать для достижения этой цели»²⁶. В таком же духе высказался Сент-Олер. Выступивший вслед за ним П. Милюков поблагодарил «союзников, взявших на себя почин непосредственного сношения с государственно мыслящими элементами России»²⁷. В ходе совещания союзники не только изучали принципы и перспективы военно-политического сотрудничества с различными «государственно мыслящими» элементами России. Их интересовал также вопрос, на какое из белогвардейских правительств должно сделать главную ставку. В общем виде принципы сотрудничества внутренней и внешней контрреволюции были изложены дипломатам союзников Милюковым. Суть их сводилась к следующему: отрицание Брестского мира и признание единой и неделимой России в границах августа 1914 г. (за исключением Польши); непризнание Советской власти; признание за границей единого дипломатического представительства всех образовавшихся в России белогвардейских «правительств»; признание необходимым единого командования белогвардейских войск; признание приоритета в борьбе против Советской власти за Добровольческой армией. Принципы эти в своей основе устраивали как консервативные и соглашательские группировки России, так и союзников. Совещание в Яссах признало борьбу с большевиками задачей «всемирной важности». Но одно дело — принимать и признавать принципы, другое — их осуществить. Вопрос заключался в том, каким же путем добиться претворения в жизнь идеи сотрудничества и кто конкретно должен возглавить в России объединенные силы контрреволюции в борьбе против Советской республики: ведь возникшее в результате Великой Октябрьской социалистической революции рабочее-крестьянское государство крепло на глазах всего мира и

²⁵ Существовало перед образованием Государственного совещания.

²⁶ См. Н. И. Астров. Указ. соч., стр. 47.

²⁷ Там же, стр. 49.

успешно отражало вооруженные атаки внутренних и внешних врагов. Этому новому государству они хотели противопоставить тоже какое-то единое государственное образование, а не полагаться на множество разрозненных марионеточных правительств Севера, Юга, Сибири, Дальнего Востока, Уфимскую директорию и т. д. Но буржуазным кругам и эсеро-меньшевистским элементам из «Союза возрождения» в вопросе о форме русской государственности не удалось прийти к единому мнению. Помешало то обстоятельство, что «руководящим началом для главварей белого движения» были тогда «более чем когда-либо овладевшие ими разнообразными страсти, партийные домогательства и личные вожделения»²⁸. Зато в главном — сделке с иностранным империализмом и обращении к правительствам стран Антанты с просьбой немедленно расширить военные действия против Советской России — съехавшиеся в Яссы оказались единодушны. «Когда дело касается до классовых прибылей,— говорил В. И. Ленин,— буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»²⁹. По этому вопросу в Яссах без каких-либо промедлений было принято три обращения к союзникам: от 17, 19 и 23 ноября³⁰. В первом из них содержалась просьба спешно высадить войска интервентов в Одессе и Николаеве; во втором предлагалось немедленно занять Киев и Харьков; в третьем говорилось о необходимости захвата военными силами союзников всех районов, откуда эвакуировались германские войска.

Журналы заседаний и другие источники позволяют до конца проследить незавидную судьбу Ясского совещания. Белогвардейская делегация, пытавшаяся представлять Россию, склонна была придавать себе весьма важное значение. Например, А. Кривошеин считал, что «делегацию» следовало сохранить как своеобразный «моральный центр», напоминающий об идее общероссийского государственного образования. Представительство этого «центра» некоторое время существовало в Лондоне и Париже. Но реальным центром всей борьбы против Советской республики «делегация» не стала, причем, пожалуй, не столько в силу противоречий внутри нее самой, которые тоже прослеживаются по журналам заседаний, сколько в связи с быстрым развитием событий в Сибири, где интервенты сделали ставку на военно-диктаторский режим Колчака, пришедшего к власти в Омске 18 ноября 1918 года. С событиями, предшествовавшими этому, связан последний из числа называемых здесь нами источников — дневниковые записи вице-адмирала Колчака³¹. Эти записи относятся к февралю 1917 — марту 1918 г. и представляют собой рукопись в виде двух тетрадей общим объемом в 243 страницы. В январе 1920 г., когда вопрос о выдаче «верховного правителя» Иркутскому политцентру был предрешен, Колчак передал их подполковнику А. Апушкину, предоставив ему право распорядиться ими по своему усмотрению. Апушкин продал рукопись в 1927 г. за 150 долларов так называемому Русскому заграничному историческому архиву, находившемуся в Чехословакии. Незадолго до того жена Колчака, С. Колчак, пыталась было оспорить право Апушкина на рукопись, но доказательств своей правоты в третейский суд она не представила. В 1945 г. тетради Колчака вместе с другими материалами, переданными в дар Академии наук СССР правительством Чехословацкой республики, поступили в Государственный архивный фонд СССР. Свои записи Колчак вел в эпистолярной форме. Это заурядные по своим мыслям и стилю

²⁸ В. И. Гурко. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 гг. «Архив русской революции», т. XV, Берлин. 1924, стр. 35.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 10.

³⁰ См. А. Рябинин. Указ. соч., стр. 34, 41.

³¹ Звание адмирала Колчаку было присвоено позднее, указом Омского правительства от 18 ноября 1918 года.

частные письма, адресованные преимущественно некоей А. В. Тимиревой³², которые, однако, Колчак и не думал посылать. Последнее обстоятельство дает основание условно относить их к категории «дневника». При источниковедческой оценке записей приходится учитывать, что они адресовались, как правило, конкретному лицу, к которому Колчак был неравнодушен. Должны быть приняты во внимание и личные качества автора, не отличавшегося недостатком ни честолюбия, ни упорства при достижении своих целей. Все это, вместе взятое, не могло не наложить на содержание записей сугубо личный отпечаток.

В советской историографии, интересовавшейся, естественно, больше борьбой с колчаковщиной, нежели лично сибирским диктатором, Колчак вполне обоснованно рассматривается как ставленник империалистов. «Дневник» его как исторический источник лишь дополняет уже имеющуюся источниковедческую базу исследований советских историков. Но в то же время он характеризует Колчака как личность, с именем которой было связано много народного горя и страданий и которая в известном смысле не может не интересовать историческую науку. В «дневнике» заслуживают внимания три группы вопросов: резко враждебное отношение Колчака к революции, к народу, к демократии вообще; его безграничная проповедь войны; переход Колчака на службу к иностранным государствам. На этих вопросах нам и хотелось бы остановить внимание читателя. О народных массах и революционном движении Колчак пишет не иначе, как с неизменным презрением и глубокой ненавистью, хотя и пытается поставить себя «вне политики»: он-де всего лишь «солдат, привыкший получать и отдавать приказания»³³. Но его здесь явно подводит употребляемая им лексика. В «дневнике» восставший против угнетателей народ Колчак называет не иначе как «политиканствующие хулиганы или хулиганствующие политики», «истеричная толпа»³⁴; революцию он квалифицирует словами: «дикая вспышка», «бесмысленные ура»³⁵. Адмирал страстно жаждет гибели революции; он заявляет, что революционная демократия «захлебнется» сама «или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет»³⁶.

В августе 1917 г. в Лондоне начальник английского морского штаба генерал Холл говорил в беседе с Колчаком: «Что же делать.. Я верю, что Россия переживет этот кризис; вас может спасти только военная диктатура»³⁷. Как импонировали эти высказывания собственным планам Колчака! Ведь в июне 1917 г., изгнанный матросами Черноморского флота, Колчак вступил в Петрограде в контакт с контрреволюционными организациями и еще до своего отъезда за границу выразил согласие стать диктатором. В дневнике мы не находим прямых указаний на это, за исключением упоминания, что он имел встречи с Гурко³⁸. Но сведения, подтверждающие данное обстоятельство, содержатся в других источниках, например, в свидетельствах бывшего начальника штаба Черноморского флота М. Смирнова, который отмечал, что Колчак имел встречи с монархистами и готов был принять на себя роль диктатора³⁹.

³² А. В. Тимирева (урожденная Сафонова) до Октябрьской революции проживала в Ревеле и Петрограде, с конца 1918 г. — переводчица отдела печати при управлении делами «Совета Министров и Верховного правителя» в Омске.

³³ ЦГАОР СССР. ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 15.

³⁴ Там же, лл. 15, 84.

³⁵ Там же, лл. 15, 48.

³⁶ Там же, л. 108 об.

³⁷ «Допрос Колчака». М.-Л. 1925, стр. 94.

³⁸ В. И. Ромейко-Гурко — генерал. В годы первой мировой войны — начальник дивизии, командир корпуса, командующий армией, и. о. начальника штаба Верховного главнокомандующего; при Временном правительстве — командующий Западным фронтом. Как ярый приверженец монархии, был понижен этим правительством в должности до начальника дивизии, а в сентябре 1917 г. выслан за границу. Умер в эмиграции.

³⁹ См. М. И. Смирнов. Адмирал Колчак. Париж. 1931, стр. 40.

Импонировали его планам и милитаристские взгляды полковника японского генерального штаба Хизахиде, с которым у Колчака, по его собственному признанию, сложились такие отношения, какие «возникают между людьми одних и тех же мыслей и взглядов»⁴⁰. «Что такое демократия,— выписывает Колчак в «дневник» слова Хизахиде,— это развращенная народная масса, желающая власти; власть не может принадлежать массам, большому числу в силу закона глупости числа,— и каждый практический политический деятель, если он не теоретик и не мошенник, знает, что решение 2-х людей всегда хуже 1-го, 3-х — хуже 2-х и т. д., наконец, уже 20—30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей»⁴¹. Если за девять месяцев до этого, 11 марта 1917 г., Колчак писал, что овладеть движением матросов на Черном море возможно, лишь приведя массы в «механическое состояние» волей командующего⁴², то в приведенных рассуждениях Хизахиде, с которыми адмирал полностью солидаризировался, заметна попытка некоего теоретического обоснования реакционной диктатуры.

«Дневник» свидетельствует, что Колчак предпринимал попытки подвести некий философский фундамент под свое исповедание культа войны. Он видел в войне «нормальное состояние людей». Для него «вера в войну» была «положительно каким-то религиозным убеждением». В своих писаниях Колчак постоянно подчеркивал, что «война прекрасна». «она везде и всегда хороша», война «выше всего происходящего». Неважно, что она сеет смерть и несет с собой разрушения. Для рассуждений об ужасах войны в «дневнике» не нашлось ни строчки. Зато адмирал счел уместным заметить, что древнеримский полководец Марий мог плакать над развалинами Карфагена только оттого, что не он его разрушил⁴³. Обращение к селой древности, очевидно, не было простой случайностью. Колчак, считавший, что невозможно «возрождение нации без войны», похоже, был озабочен тем, как бы ему самому не опоздать с разрушением России.

Немалый интерес представляют и те страницы «дневника», где речь идет о связях Колчака с иностранными государствами. Существенны, в частности, его записки, из которых видно, что, прежде чем стать «верховным правителем России», Колчак твердо решил перейти на военную службу сначала к американцам, а затем к англичанам. Этого Колчак не скрывал и во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии (Иркутск, 1920 г.)⁴⁴. Но тогда он о многом уже говорил не так, как было на самом деле и как это отражено в его «дневнике». Суть дела такова. Приглашение перейти на службу в американский флот и приступить к постановке минных заграждений против немецких кораблей Колчак впервые получил в Петрограде в июне 1917 г. от американских представителей Рута и Гленнона⁴⁵. «В субботу 17-го [июня] я имел,— пишет Колчак,— совершенно секретный и весьма важный разговор с послом С.Ш.С. Америки Rood'tom и адмиралом V. S. N. Glannon, результатом которого было решение мое принять участие в предполагаемых операциях Американского флота»⁴⁶. Делу был придан сразу весьма решительный характер, и я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и в случае надобности голову и жизнь

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 95 об.

⁴¹ Там же, л. 101 об.

⁴² Там же, л. 15.

⁴³ Там же, д. 2, л. 22.

⁴⁴ «Допрос Колчака», стр. 94 сл.

⁴⁵ Э. Рут в июне — июле 1917 г. возглавлял в России специальную миссию США, главной целью которой было воспрепятствовать выходу России из войны и оказать всяческое содействие Временному правительству в борьбе с революционным движением. Д. Гленнон — морской эксперт в миссии Рута, контр-адмирал.

⁴⁶ Имеется в виду планирование минных военно-морских операций.

впридачу»⁴⁷. Колчак был польщен предложением американцев, так как не ожидал, что он за границей имеет «ценность, большую, чем мог предполагать». «И вот теперь,— пишет он в «дневнике»,—я действительно холодно и спокойно смотрю на свое положение и начал, или, вернее, продолжаю свою работу, но для другого флота... Быть может, лучи высшего счастья доступны на Земле— счастье военного успеха и удачи осветят чужой флаг, который будет тогда для меня таким же близким и родным, как тот, который теперь уже стал для меня воспоминанием»⁴⁸. Мнение Временного правительства в этом деле не играло сколько-нибудь существенной роли: как сообщает адмирал, Рут с Гленноном довольно решительно предложили «...послать меня в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны» на флоте⁴⁹. Вскоре Колчак отправился за границу. Из Петрограда он выехал по совету англичан под чужой фамилией. В Лондоне его принял адмирал Джеллико, исполнявший обязанности морского министра — первого лорда Адмиралтейства. «Адмирал был исключительно любезен со мной,— отметил Колчак,— и доказал лучшим образом свое отношение ко мне, перейдя сразу к делу, достав наиболее секретные карты заграждений Северного моря и Канала и посвятив меня в самые секретные оперативные соображения»⁵⁰. Приняли Колчака в Лондоне так, что в «дневнике» он выразил по этому поводу чувство огромного удовлетворения: «Большого внимания и любезности я не могу ожидать»⁵¹.

Из Лондона Колчак на английском корабле под охраной миноносцев отправился в США. Но там его, несмотря на великолепие приема, постигло своеобразное разочарование. «Я поехал в Америку,— пишет он,— надеясь принять участие в войне, но когда я изучил вопрос о положении Америки с военной точки зрения», то пришел к убеждению, что Америка не способна к активным военным действиям⁵². «Американцы не участвовали еще ни в одном сражении и потеряли 3 убитых, 4 раненых и 12 пленных, о чем в Америке писали больше, чем о Марнском сражении»⁵³. Тогда Колчак покинул Америку и направился в Японию. По прибытии в эту страну он обратился через английского посла Грина к лондонскому правительству с предложением принять его на военную службу. Вскоре из Лондона пришел ответ: Колчака благодарили за предложение и просили не уезжать из Японии до окончательного решения вопроса о наилучшем его использовании. Это решение пришло примерно через месяц. В «дневнике» от 30 декабря 1917 г. записано следующее: «Сегодня день большого значения для меня; сегодня я был вызван Sir Green в посольство и получил от него сообщение, решающее мое ближайшее будущее. Я с двумя своими спутниками⁵⁴ принят на службу Его Величества Короля Англии и еду на Месопотамский фронт... На вопрос посла, какие мои желания в отношении положения и места службы, я сказал, что, прося Короля принять меня на службу, я предоставляю себя всецело в распоряжение Его правительства... Пусть правительство Короля смотрит на меня не как на вице-адмирала, а солдата,

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 37.

⁴⁸ Там же, л. 38 об.

⁴⁹ Там же, л. 41.

⁵⁰ Там же, л. 48 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, лл. 67—68.

⁵³ Там же, л. 68. В результате сражения на Марне 5—12 сентября 1914 г. французы при участии англичан остановили наступление немецких войск. Важную роль в этом сыграло успешное продвижение русских войск в Восточной Пруссии, вследствие которого германское командование в кризисный момент сражения вынуждено было снять с Западного фронта и перебросить на восток два корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Кроме того, оно направило в Восточную Пруссию один вновь сформированный корпус, предназначенный для западного театра военных действий. Оказавшийся под угрозой падения Париж был спасен.

⁵⁴ Офицеры флота Вуич и Безуар из миссии Колчака, выезжавшей в США.

которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным»⁵⁵. Из Японии Колчак отправился к месту службы на Месопотамский фронт. В приподнятом настроении он прибыл в Шанхай, отметив, что он в этом городе находится «по приказанию правительства Его Величества Короля Великобритании»⁵⁶.

Затем — Сингапур. Здесь Колчака торжественно встретил командующий английскими войсками генерал Ридаут. Но путь в Месопотамию был прерван: Ридаут вручил Колчаку служебный пакет «с распоряжением английского правительства вернуться немедленно в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири». Адмирал выехал в Пекин для получения «инструкции и информации от союзных посольств». По этому поводу Колчак замечает: «Моя миссия является секретной, хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до прибытия в Пекин»⁵⁷. Это было 16 марта 1918 года... На этом «дневник» обрывается. Колчак вернулся в Китай. А через несколько дней американский консул из Харбина доносил в Вашингтон, что в Сибири предполагается образование Российского правительства во главе с Колчаком⁵⁸. Дальнейшие события хорошо известны. Остается лишь обратить внимание на два обстоятельства. Прежде чем появиться в Омске в качестве политической и военной фигуры, Колчак встретился в Японии с английским генералом Ноксом, бывшим главой британской военной миссии в Петрограде, известным своими симпатиями к идее генерала Корнилова о военной диктатуре. По просьбе Нокса Колчак довел до сведения англичан свои планы относительно создания массовой белой армии и местных контрреволюционных органов власти⁵⁹. 18 октября 1918 г. в Омск прибыл английский экспедиционный отряд во главе с полковником Джоном Уордом. Этот отряд затем неотлучно находился при Колчаке. Данные напоминания необходимы для того, чтобы правильно оценить, с одной стороны, «дневник» как исторический источник, а с другой — подлинное политическое лицо самого Колчака. Биографией Колчак может определенно рассматриваться как лицо, состоявшее с того времени на службе в английских вооруженных силах. Дж. Уорд не без оснований говорил, что Колчак ел «британский солдатский рацион»⁶⁰.

«Дневник» Колчака как исторический источник представляет несомненный политический и научный интерес. Перед читателем предстает фигура воинственного честолюбца и диктатора, оказавшегося на службе у иностранных государств, человека без родины, враждебного трудовому народу авантюриста, претендовавшего на роль «верховного правителя России». Таких людей выдвигал белый лагерь. История перехода этого лица на службу к иностранным государствам поучительна. Она один из главных аспектов, в связи с которыми «дневник» может быть введен историками в научный оборот.

В заключение обратимся вновь к У. Черчиллю. В приведенном выше его высказывании превалировал военный аспект. Но этим интервенция не исчерпывается. Ведь она имела целью установление того государственного строя в стране, который отвечал интересам организаторов интервенции. Однако интервенты не всегда действуют открыто. Они используют гибкие, замаскированные формы выступлений; в особенности это бывает в периоды повышенной политической активности народных

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5844, оп. 1, д. 1, л. 76 об.

⁵⁶ Там же, л. 86 об.

⁵⁷ Там же, л. 111 об.

⁵⁸ См. А. Г. Липкина. США — активный организатор первого похода Антанты. «Преподавание истории в школе», 1952, № 1, стр. 51.

⁵⁹ «Допрос Колчака», стр. 141.

⁶⁰ Дж. Уорд. Союзная интервенция в Сибири в 1918—1919. М.—Пгтр. 1923, стр. 74.

масс, которая наблюдается во время революций. Применительно к Советской России этой маскировкой империалисты занимались и в 1918—1920 гг., когда они насаждали и всячески поддерживали антисоветские государственные формирования и координировали их деятельность. С одной стороны, английские империалисты возносили до высот «верховного правителя России» Колчака, противника каких бы то ни было переговоров о независимости народов России, в том числе народов Финляндии и Эстонии, надеясь, что он «усмирит страну». С другой стороны, они с полного согласия и одобрения империалистов США и Франции домогались немедленного провозглашения независимости буржуазной Эстонии. То же наблюдалось и на Юге России. Антанта укрепляла вооруженные силы и режимы Деникина и Врангеля, подобно Колчаку, ревнителей «единой и неделимой России», а одновременно снабжала оружием донского атамана Краснова, готового перейти под власть кайзера Вильгельма, а также укрепляла власть буржуазно-националистических правительств Грузии, Азербайджана и Армении, помогала Закаспийскому правительству и правительству Крыма, создавала мелкие правительства на Тереке и Кубани, искала пути соглашения с Петлюрой и украинской Директорией. В каком бы месте России ни вырастали из контрреволюционных организаций «правительства», везде при них появлялись «миссии союзников». Верные традиционной политике «разделяй и властвуй», империалисты извлекали для себя выгоды из самых различных по своим программам марионеточных правительств, которые в ходе развития классовой борьбы так или иначе оказывались в одном лагере с интервентами⁶¹.

Официальная буржуазная историография нередко утверждает, что американские, английские, французские, японские и иные иностранные войска не вмешивались во внутренние дела русских. Они действовали, мол, всего лишь «в силу союзнического долга». Эти утверждения, как нетрудно убедиться на основании хотя бы упомянутых выше материалов, более чем несостоятельны. Какие бы межимпериалистические противоречия ни раздирали интервентов, как бы ни боролись они между собой за влияние на марионеточные правительства, устремления их были направлены к одному — возродить в России буржуазно-помещичьи порядки и старую власть, ту власть, которую применительно к Франции времен Парижской коммуны К. Маркс называл «паразитическим наростом на теле нации»⁶² и которую пролетариат и крестьянство России под руководством большевистской партии свергли в ходе Октябрьской революции. Интервенты, не считаясь с волей, выраженной II Всероссийским съездом Советов, с волей состоявшихся в 1918—1920 гг. шести Всероссийских, трех Всеукраинских, двух Всебелорусских и пяти Туркестанских съездов Советов, с волей всех трудящихся России, продолжали уверять народы мира в «представительном» характере кучек политических дельцов, объявленных «правительствами». И если ни интервенты, ни белогвардейцы не смогли победить Советскую власть, то произошло это потому, что они оказались беспомощными перед могучей силой идей Великого Октября, перед социалистической революцией.

⁶¹ См. У. Черчилль. Указ. соч., стр. 174.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 344.